

Александр ЛАЗАРЕВ:**У МЕНЯ БЫЛИ ПОДСКАЗКИ СУДЬБЫ****Он верит в некое "высшее начало", в своего сына и жену***1949 - 1998 - 17 янв. - 45.*

В середине 60-х годов, после выхода фильма "Еще раз про любовь" в него было влюблено, кажется большинство женского населения Советского Союза. Его герой — физик с "соответствующим" именем Электрон стал своего рода символом поколения шестидесятников. Александр Лазарев сам из этой породы интеллигентов, умеющий слышать, чувствовать время. Недавно Александру Лазареву исполнилось 60 лет, из них почти 40 он работает в Театре имени Владимира Маяковского.

— Юбилей — это для вас радостный праздник или грустное напоминание о том, что вы уже перешагнули определенный возрастной рубеж?

— 60 лет — это та грань, когда начинаешь чаще оглядываться назад, что совсем не исключает возможности дальнейшей интересной работы. Возникает желание проанализировать прожитое, подчитать, сколько сыграно ролей — и как. Позволю похвалить себя за то, что всю жизнь верой и правдой служил своему родному театру. Я сыграл здесь разные роли: трагические и комедийные, драматические и острохарактерные, лирические и гротескные. Трудно представить, но в молодые годы играл до двадцати пяти спектаклей в месяц. Это огромная нагрузка. К счастью, изнуряющего больше, чем работа, творческого голода мне не пришлось испытать. И сейчас у меня в репертуаре шесть спектаклей, в которых выкладываюсь...

— Могла ли ваша жизнь сложиться по-другому?

— Я верю в некое высшее начало, которое руководит моей судьбой. Это не означает, что надо ждать, пока все само собой придет. Так можно всю жизнь провести "на берегу" и никуда не приплыть. В моей жизни были две подсказки судьбы, которые определили практически все.

— Какие?

— Это длинная история, но если интересно... Первая — это то, что я оказался студентом Школы-студии МХАТ. Вообще-то я родом из Ленинграда. В ранней юности ходил в БДТ, в Театр комедии, очень увлекался кино. Мы много смотрели трофейных фильмов. Моим любимым стал "Мост Ватерлоо". Десяти раз с обожанием смотрел на Вивьен Ли и Роберта Тейлора. Ходил по дождливым, туманным улицам Ленинграда, воображал себя героем этого фильма. Думаю, это и были первые проявления актерской природы. В десятом классе твердо решил быть артистом. Стал сдавать экзамены в Ленинградский театральный институт. Я уже прошел первый тур, когда в Ленинград приехала выездная приемная комиссия из Школы-студии МХАТ во главе с Вениамином Захаровичем Радомысленским. Рискнул попробовать и тут. За два дня прошел все три тура и был зачислен на актерский факультет. Так навсегда я связал себя с Москвой.

После института я, правда, уехал в свой родной город и попробовал попасть в театр к Николаю Павловичу Акимову, но он меня не взял. Больше никому показываться не стал и вернулся в Москву. Однажды моя однокурсница шла на показ к Николаю Охлопкову и попросила меня подыграть ей. Тогда для нас, воспитанных в традициях системы Станиславского, театр Маяковского казался вызывающе антихудожественным. Охлопков работал без занавеса, артисты у него выходили из зрительного зала и... Так вот, в этом чуждом мне по эстетическим воззрениям коллективе мы показывали отрывок из студенческого спектакля "Последние". Я играл Якова Коломийцева, дряхлого, умирающего старца. Николай Павлович быстро прервал нас. Попросил меня прочитать из "Бориса Годунова", но я не знал текста. Тогда он предложил мне прочитать что-нибудь из Маяковского. Потом потребовал, чтобы я разыграл этюд следующего содержания: немцы взяли в плен партизана, который, весь в крови, измученный, кричит им: "На, стреляй!" Я спросил: "А зачем?" "Если хочешь быть артистом, делай, что тебе говорят", — ответил Охлопков. Этюд я сыграл со всеми надлежащими штампами — рвал рубаху, кричал. После этого мне объявили, что я принят в труппу театра. Придя к Жене Лаза-

реву, стал советоваться с ним, ведь меня брали в театр, в который я не собирался идти. Он назвал меня сумасшедшим, сказав, что отказываться от приглашения такого мастера может только полный дурак. И я решил не испытывать судьбу.

В те годы директором Театра имени Маяковского был Долгопольский — личность удивительная. Помню фразу, которой он меня встретил: "Если из вас не получится артист — не беда. Нам все равно нужны такие рослые парни — в "Гамлете" некому пики выносить". Так началась моя

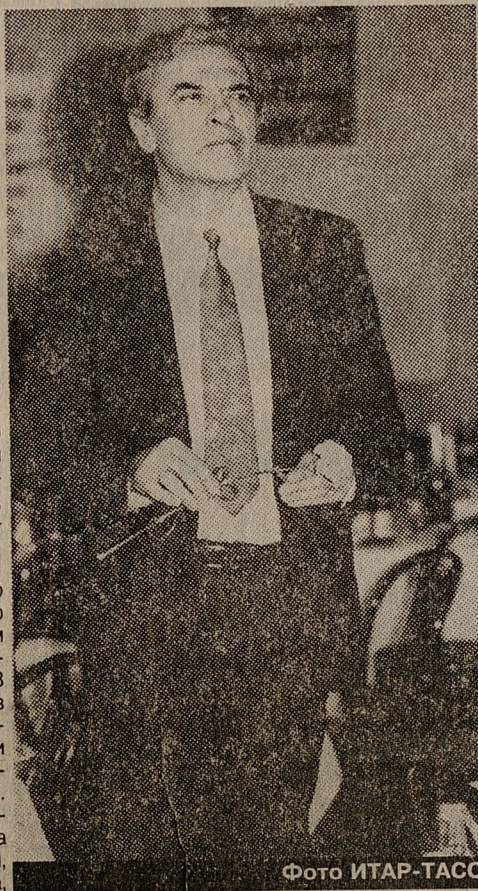

Фото ИТАР-ТАСС

жизнь в искусстве. В тот же год была принята в труппу Светлана Немоляева. Естественно, мы познакомились... И вот уже почти сорок лет, естественно, вместе.

— Ваш союз со Светланой Владимировной оказался безупречным?

— Что значит "безупречным"? Как и все, мы, бывает, ссоримся, но долго сердиться друг на друга не можем. В искусстве работать вместе, с одной стороны, хорошо — поддерживаем друг друга, а с другой — тяжело: раны-то общие, и они болят сильнее...

— Кому из вас пришла идея назвать сына Александром? Вы же могли предполагать, что настанет момент, когда в театрах Москвы будут работать два Александра Лазарева?

— Сначала мы хотели назвать его Петром. Я трижды играл в кино Петра Великого и очень люблю этот персонаж. Поэтому думал, что сына назову в его честь. Но когда Шурик родился, то был настолько похож на меня, что все, смеясь, говорили: "Ты его отпечатал". А посему решили: пусть будет Александр второй! Сейчас наше сходство особенно видно на сцене. Мы со Светланой стали замечать, что и к нам возникает новый интерес в связи с нашим сыном. Не к нему через нас, а — наоборот.

— Артиста Александра Лазарева-младшего создал Марк Захаров, с которыми и вы работали, когда Марк Анатольевич ставил "Разгром"...

— Нет, я входил в спектакль позже. А Немоляева играла роль пастушки, которую встречает Метелица. Светлана была так трогательна в этой роли, что просто горло перехватывало.

— Светлана Немоляева — любимая жена, она же и любимая партнерша на сцене?

— Мы стали вместе играть только в последние годы. В свое время я много работал с Татьяной Дорониной, Люсей Овчинниковой. Со Светланой играть мне легко, но репетировать очень тяжело. Я невольно все время слежу за ней, поскольку лучше других знаю ее сильные и слабые стороны. Но Светлана долго не выдерживает, она взрывается: "У тебя тоже большая роль, занимайся ею!" Как говорит коллега Игорь Костоловский: "Когда репетируют Саша со Светой, то это отдельный спектакль!"

— Как коллизия "отцов и детей" выглядит применительно к вашим отношениям с сыном?

— Скажем так: они не были безоблачными. В детстве я ему досаждал своим контролем, о чем сейчас сожалею. Теперь он взрослый, у него семья: прекрасная жена и дочь Полина. Свою внучку мы просто обожаем. Я безмерно счастлив, что у Шурика так интересно все складывается. Дай Бог! Главное, чтобы он был готов к тому, что в актерской жизни за "звездными" ролями могут следовать и проходные...

— А какие свои роли вы считаете "звездными"?

— Лучше назовем любимыми. Их у меня много. Это Константин в "Детях Ванюшина" и Дон Кихот. Очень люблю свои последние работы в спектаклях "Шутка мецената" и "Кин Четвертый".

Про моего Константина в спектакле "Дети Ванюшина" критика писала: Лазарев существует на грани реализма и гротеска, ему удается оставаться на острие этого лезвия. Как это у меня получилось? Не знаю. Недавно во время спектакля "Кин Четвертый" на какое-то время забыл, что нахожусь на сцене. Потом как бы очнулся, вспомнил, что только играю великого трагика, а на самом деле я — артист Театра имени Маяковского Александр Лазарев.

— Понятно, что театр — это ваша жизнь. Но за его пределами — тоже жизнь, в которой произошло столько перемен... Каковы ваши отношения с изменившимся временем? Испытываете ли вы тоску по прошлому?

— Плох тот человек, который отрицает свое прошлое. Мы, шестидесятники, помним то потрясающее время, когда начинался "Современник", был запущен первый спутник... Мы с Женой Урбанским по этому поводу вышли на улицу и взахлеб читали стихи. Это полугодное время было временем нашей юности. Случалось, мы возвращались в общежитие под утро, у нас не было денег, но на занятия ухитрялись ездить на такси...

Я не идеализирую те годы, это было и время запретов. Позже мы поняли, сколько организаций "отслеживают" нашу деятельность. Спектакль "Маяковский начинается" сдавали шесть раз. Сейчас, слава Богу, нет идеологического контроля, мы получили свободу творчества, мысли. Зато мы оказались в другой жесткой зависимости — экономической. Чтобы получился спектакль или фильм, нужны деньги, без них о творчестве говорить не приходится. Театр — это маленькое государство, и все общественные беды, которые существуют в России, касаются и театра.

Конечно, я ощущаю время, работа в театре. Но есть жизнь, как вы правильно заметили, и за пределами сцены, о которой я не могу не знать. Сталкиваюсь, как и все, с бомжами, нищими, которых десять-пятнадцать лет назад не было или просто мы про них не знали. А сейчас это целый слой населения. Бывая на фестивале "Киномоск" в Анапе, я вижу заколоченные пионерлагеря. Это все не может не ранить мое сердце.

— Вы интересуетесь политической?

— Ну как интересуюсь? Читаю "Труд" — очень емкую газету, которая сообщает мне обо всем, что происходит в мире. Думаю, лучше всего заниматься своим прямым делом и играть в театре, заботиться о своей семье. Сейчас все мои помыслы обращены к моим близким. Единственное, что я прошу у Бога, — чтобы с ними все было в порядке...

Беседу вела
Татьяна НИКОЛЬСКАЯ.